

Кочеров Сергей Николаевич
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
профессор департамента социальных наук
Kocherov Sergey Nikolayevich
National research University
«Higher school of Economics»
professor of the Department of Social Sciences
E-Mail: kocherov@yandex.ru
УДК – 173.2

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ. ЛЮБОВЬ В НАСТОЯЩЕМ И В БУДУЩЕМ

Аннотация: В XX веке любовь пережила эпоху сексуальной революции, которая произошла сначала в советской России, а затем на либеральном Западе. И хотя попытки создания семьи нового типа не увенчались успехом, движение к новым формам брачного союза будет, скорее всего, продолжено. В ближайшем будущем любовь ожидают новые испытания, которые она преодолет, если человек останется человеком.

Ключевые слова: сексуальная революция, семья нового типа, сексуальные девиации, виртуальные романы, любовь как сущность человека

THE HISTORY OF LOVE. LOVE IN THE PRESENT AND IN THE FUTURE

Abstract: In the 20th century, love witnessed the epoch of sexual revolution, first in Soviet Russia, and afterwards in liberal Western countries. Although attempts to create a new family type failed, the movement towards new forms of marital union is likely to continue. In the near future love will encounter new obstacles that are to be surmounted, should humans stay humane.

Key words: sexual revolution, new family type, sexual deviations, virtual love affairs, love as human essence.

В истории человечества есть времена, благодатные для любви, когда она светит ярче солнца, делаясь предметом всеобщего поклонения, и времена несчастливые, когда под спудом неожиданных бедствий или других кумиров она свергается с престола и озаряет жизнь лишь тех немногих, кто остается верен ей. XX век парадоксально соединил в себе эти противоположности, вызвав, с одной стороны, мировые потрясения, разбившие надежды на счастье миллионов людей, но, с другой стороны, создав немыслимые прежде возможности для свободы любви в разных ее проявлениях. За одно столетие любовь прошла через испытания, порожденные как насилием тоталитарных государств и сопротивлением консервативных порядков, так и приманками общества потребления и соблазнами гедонизма без ограничений.

Любовь в век сексуальной революции

По-видимому, самым весомым вкладом XX века в историю любви стала сексуальная революция, которую многие западные исследователи считают событием эпохальным, относя ее символическое начало к 1953 г. – выходу в США первого номера журнала «Плейбой». Но еще в предисловии к 3-му изданию своей книги «Сексуальная революция», написанному в конце 1944 г., В. Райх, которого считают автором этого понятия, писал: «Мы переживаем подлинную, вызывающую глубокие изменения революцию в культурных характеристиках бытия. ...Речь идет, прежде всего, о происходящих в хаотической форме гигантских изменениях в семейной жизни, этой ахиллесовой пяты общества. Изменения эти хаотичны потому, что наша структура семьи, унаследованная от патриархата, оказалась глубоко подорванной и готова уступить место лучшей, естественной форме семьи» [1, с. 9-10]. С приведенной оценкой значения трансформаций брачно-семейных отношений можно согласиться, хотя сексуальную революцию XX века нельзя считать явлением уникальным, не имеющим прецедентов в истории.

Так, по своему всемирно-историческому значению она, безусловно, уступает великой революции в отношениях между полами, выразившейся в появлении дуальной экзогамии, которая повлияла на становление самого вида *Homo sapiens*. Да и в истории цивилизованного общества можно обнаружить не одну сексуальную революцию, не говоря уже о «сексуальных восстаниях». При этом нельзя не заметить общность социально-культурных последствий, сопровождающих каждую из таких ломок традиционной системы половых табу и моральных норм. Например, Полибий, заставший начало сексуальной революции в древнем Риме в конце II в. до н.э., говорит в

«Истории»: «Люди впадали в великий блуд и любостяжание и роскошь, и не женились, а если и женились, то не желали воспитывать родившихся детей» [Цит. по: 2, с. 130]. А.Ф. Лосев, характеризуя нравы эпохи Возрождения, упоминает о монахинях, которые, начитавшись «Декамерона», предавались оргиям и потом умерщвляли рожденных от них детей, а также о расцвете проституции, что порой поощрялась властями как меньшее зло по сравнению с гомосексуализмом, распространенным в то время [3, с. 123, 125]. Во Франции, пишет П.А. Сорокин, «закон о разводах от 20 сентября 1792 г. практически ликвидировал все препятствия к разводу и снизил минимальный возраст вступления в брак до 13 лет для женщин и 15 для мужчин. Уровень разводов подскочил так высоко, что в 1796-1797 гг. их число превысило число браков. Еще больше возросло число брошенных семей» [4, с. 88].

Ослабление половых запретов, погоня за новыми сексуальными ощущениями, рост супружеских измен, полового насилия и проституции, падение интереса к рождению и воспитанию детей, толерантное отношение к «сексуальным меньшинствам», предпочтения которых входят в моду у представителей правящей и творческой элиты – вот характерные черты любой сексуальной революции. Такие процессы происходят не сами по себе, но порождаются глубинными разломами в обществе, под воздействием которых прежние социальные нормы утрачивают императивный характер, а новые регуляторы поведения находятся в стадии становления. Об этом, задолго до выхода работы Райха, в беседе с К. Цеткин говорил В.И. Ленин. По его словам, «в эпоху, когда рушатся могущественные государства, когда разрываются старые отношения господства, когда начинает гибнуть целый общественный мир, в эту эпоху чувствования отдельного человека быстро видоизменяются. Подхлестывающая жажда разнообразия и наслаждения легко приобретает безудержную силу. Формы брака и общения полов в буржуазном смысле уже не дают удовлетворения. В области брака и половых отношений близится революция, созвучная пролетарской революции» [5, с. 483]. Мнение вождя большевиков приведено неслучайно, так как именно советская Россия стала первой родиной сексуальной революции в XX веке.

Большевики после своего прихода к власти в России были весьма последовательны в практической реализации марксистской теории. В вопросах половой морали они следовали положению о том, что при создаваемом ими строе отношения полов станут частным делом, в которое общество не будет вмешиваться. «Это возможно благодаря устранению частной собственности и общественному воспитанию детей, вследствие чего

уничтожаются обе основы современного брака, связанные с частной собственностью, – зависимость жены от мужа и детей от родителей» [6, с. 336-337]. И вскоре после установления советской власти – 19 и 20 декабря 1917 г. – были приняты 2 декрета: «Об отмене брака» и «О гражданском браке, о детях и о внесении в акты гражданского состояния», – которые В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий оценивали как «революцию в браке». Согласно им, супругами считались мужчины и женщины, состоящие по взаимному согласию в половом сожительстве, независимо от регистрации в ЗАГСе, провозглашалось равенство полов в семье, а дети брались под защиту и опеку государства и общества. А в 1922 г. из УК РСФСР исключили статью о наказании за добровольный гомосексуализм среди совершеннолетних.

1920-е гг. позднее вошли в историческое сознание как годы половой распущенности молодых рабочих и крестьян, теоретически поощряемой рядом видных деятелей большевиков (К. Радек, И. Арманд, А. Коллонтай), из которых двум последним необоснованно приписывается так называемая теория «стакана воды». На самом деле, и Арманд, и Коллонтай призывали не к беспорядочным половым связям между представителями победивших угнетенных классов, а к признанию разных форм брачных отношений, которые устраивают как мужчин, так и женщин. «Как идеал, – писала А.М. Коллонтай, – остается моногамный союз, основанный на "большой любви". Но "не бессменный" и застывший. Чем сложнее психика человека, тем неизбежнее "смены". "Конкубинат", или "последовательная моногамия" – такова основная форма брака. Но рядом – целая гамма различных видов любовного общения полов в пределах "эротической дружбы"» [7, с. 333]. Однако, как всегда, теорию корректировала практика.

И хотя подлинность нередко цитируемых материалов, вроде «Декрета Саратовского Губернского СНК об отмене частного владения женщинами» или «Декрета о социализации девушек и женщин в Екатеринодаре по мандатам советской власти», вызывает сомнения у историков, нельзя не признать, что Гражданская война и послевоенная разруха способствовали половым девиациям и преступлениям. Не случайно Г. Уэллс, посетивший Россию в 1920 г., отмечал, что, в то время как старшее поколение большевиков вело аскетический образ жизни, нравы молодых коммунистов отличались большой половой свободой. Как свидетельствуют документы 1920-х гг., молодые рабочие и крестьяне рано начинали половую жизнь, понимали «отмену брака» как свободу сексуальных отношений, в которых, по их мнению, комсомолка не вправе отказать комсомольцу, и нередко

насиловали представительниц «враждебных классов», зная, что пролетарское правосудие не взыщет с них слишком строго по статье «о хулиганстве».

Однако по мере укрепления советского государства его вожди взялись за укрощение «стихий», вышедшей из берегов, которую следовало подчинить воле победившей партии. В 1924 г. появились «Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата» А. Залкинда, где, по сути, был сформулирован новый подход большевиков к половой морали, который полностью утвердился в советском обществе в 1930-х годах. «Половая жизнь для создания здорового революционно-классового потомства, – заявлял Залкинд, – для правильного, боевого использования всего энергетического богатства человека, для революционно-целесообразной организации его радостей, для боевого формирования внутриклассовых отношений – вот подход пролетариата к половому вопросу» [8, с. 337]. Далее следуют правила сексуальной жизни, памятные каждому советскому человеку: необходимо половое воздержание до брака, в основе половой связи должна быть глубокая любовь, в любви допустима лишь моногамия, половой акт всегда обусловлен заботой о потомстве, никаких сексуальных извращений, коллектив (класс) имеет полное право вмешиваться в интимную жизнь своих членов.

Начавшееся «закручивание гаек» в брачно-семейных отношениях вызвало неодобрение со стороны идеологов перманентной революции. Так, Л. Троцкий в своей книге «Преданная революция» посвятил этой теме целую главу с разделом «Семейный термидор». В ней он признал: «Взять старую семью штурмом не удалось. Не потому, что не хватило доброй воли. И не потому, что семья так прочно держалась в сердцах. ...К несчастью, общество оказалось слишком бедно и мало культурно. Планам и намерениям коммунистической партии не отвечали реальные ресурсы государства. Семью нельзя "отменить": ее надо заменить. Действительное освобождение женщины неосуществимо на фундаменте "обобщенной нужды"» [9]. Троцкий справедливо указал на экономические, социальные и культурные причины того, почему в СССР не смогли реформировать семью по марксистской теории. Это – слабость экономической базы, не позволившая освободить женщин от домашнего труда, неготовность системы образования эффективно заменить домашнее воспитание общественным, низкий культурный уровень населения, неспособного психологически принять равенство мужчин и женщин в быту и на «командных высотах». Но была еще одна причина, обусловленная характером партии и политическим режимом, который она утвердила в Советском Союзе. Верное замечание на этот счет, на мой взгляд,

можно найти в антиутопии Дж. Оруэлла «1984», в которой так разъясняется смысл пуританства, насаждаемого партией: «Дело не только в том, что половой инстинкт творит свой собственный мир, который неподвластен партии, а значит, должен быть, по возможности, уничтожен. Еще важнее, что половой голод вызывает истерию, а она желательна, ибо ее можно преобразовать в военное неистовство и в поклонение вождю» [10, с. 98]. Не удивительно, что в стране, начавшей сексуальную революцию, со временем выросло поколение людей, убежденных, что «секса у нас нет».

Сексуальная революция на Западе происходила на совершенно другой социально-экономической и культурной основе, чем перелом в отношениях полов в советской России. Она вершилась в обществе, до известной степени пресытившимся своим послевоенным благополучием. В ней соединились такие разные силы, как невиданные ранее возможности общества потребления и протест против консервативных порядков и лицемерных запретов, социальные движения за права женщин и эксплуатация темы секса в СМИ и рекламе, требования радикальных общественных перемен и стремление отвлечь молодежь от политической активности экспериментированием в половой сфере. В отличие от советской России, сексуальная революция в западном обществе была порождена не доведенным до антагонизма противоречием между классами, а обострением конфликта между поколениями «отцов» и «детей» и потому, на самом деле, имела не столько революционный, сколько нонконформистский характер. Однако при всем инфантилизме лозунга «Чем больше я занимаюсь любовью, тем больше отдаю себя революции» она оказала сильнейшее воздействие на весь западный мир, учитывая значение отношений между полами в жизни общества. «Несмотря на свои необычные черты, – замечал П.А. Сорокин, – сексуальная революция так же важна, как самые драматические политические или экономические перевороты. Она изменяет жизнь людей более радикально, чем любая другая революция нашего времени» [4, с. 19].

Сексуальную революцию середины XX в. часто рассматривают в контексте общей либерализации западного общества, что распространилась на стороны его жизни, до этого находившиеся под давлением викторианских нравов и протестантской или католической морали. Однако эмансипируя человека от прежних стереотипов полового поведения, провозглашаемые сексуальные свободы могли действовать на него не менее гнетущим образом. «Чем считать, – пишет Дагмар Херцог, – например, сексуальную верность партнеру – давно устаревшим мелкобуржуазным идеалом или же законной и

даже передовой практикой? ...Что делать, если кто-то хочет, чтобы ты с ним спала, а сама ты этого не хочешь, и тогда тебя объявляют фригидной или скованной? И более того, что делать, если занимаешься сексом, а он не приносит тебе радости, которой ты от него ждешь, в то время как все кругом только и кричат о том, что секс – это потрясающе?» [11]. Потребительский капитализм, против которого, согласно теоретикам сексуальной революции, она, прежде всего, и была направлена, весьма быстро и без ущерба для себя «переварил» эту революцию со всеми ее эксцессами, сделав обретенную сексуальную свободу доходной частью своей культуры консьюмеризма.

Оценивать итоги сексуальной революции на Западе так же сложно, как пытаться ограничить ее периодом от изобретения противозачаточных пилюль в начале 1960-х гг. до распространения страхов перед СПИДом в начале 1980-х гг. Нет сомнения в том, что она раскрепостила не только в телесном, но и в психическом плане миллионы молодых людей, позволив им утолить свой сенсорный голод. Французский журналист И. де Сент-Агнес в те годы писал в статье о шведской молодежи: «Цель этой страны – наряду с уровнем жизни повышать уровень личного счастья. Швеция – и в этом ее величие – откровенно ставит вопрос: что нужно, чтобы секс содействовал расцвету личного счастья, доставлял человеку в его охоте за счастьем глубокое удовлетворение?» [Цит. по: 12, с. 212]. Но стал ли благодаря ей западный человек менее одинок, научился ли он сильнее любить, тоньше понимать любимого человека и достигать с ним близости не только тела, но и души, – другой вопрос. О чем было бы не худо задуматься и в России, которая, забыв о своем опыте, пытается догнать Запад и в этом отношении.

Любовь в обозримом будущем

Заниматься предсказаниями – дело неблагодарное, тем более, когда речь идет о таком многосложном и сокровенном чувстве, как любовь, в которую каждая культура, каждый этнос и даже отдельная личность вносит свои смыслы. Старшее поколение российских исследователей брака и семьи, уходя от вопроса о том, какими будут отношения между полами в будущем, любило ссылаться на мнение Ф. Энгельса. Он же полагал, что ответ на него дадут «поколение мужчин, которым никогда в жизни не придется покупать женщину за деньги или за другие социальные средства власти, и поколение женщин, которым никогда не придется ни отдаваться мужчине из каких-либо других побуждений, кроме подлинной любви, ни отказываться от близости с любимым мужчиной из боязни экономических последствий» [13, с. 85]. Не

заглядывая так далеко вдаль, я хотел бы остановиться на возможных последствиях развития тенденций, присущих современному обществу.

Прежде всего, следует признать, что классический моногамный брак как союз мужчины и женщины, который заключается на всю жизнь, уже давно пребывает в кризисе. Будучи порожден социально-экономическими и культурными условиями общества на стадии его перехода от позднего варварства к ранней цивилизации, он предполагает строгое единобрачие, одобренное родителями обеих сторон, и разрешает развод лишь при бесплодии замужней женщины или ее уличении в супружеской измене. В настоящее время большинство мужчин и женщин из развитых и многих развивающихся стран, выбирая моногамный брак, допускают, что в будущем могут вступить в него с другим партнером, влияние родителей на брачный выбор своих детей заметно падает, а развод осложнен лишь опекой над малыми детьми и дележом нажитого имущества. Вместе с тем неуклонно возрастает число мужчин и женщин, которые в течение многих лет образуют живущие вместе пары, не регистрируемые государством и не освященные церковью, не говоря уже о тех представителях обоих полов, что предпочитают более свободный тип отношений. Это свидетельствует, однако, не об «отмирании» семьи, которая таким образом, скорее, адаптируется к динамично изменяющимся условиям, но о том, что классическая моногамия перестала быть для нее оптимальной формой.

Отмечая симптомы начавшегося распада классической американской семьи в середине XX в., П.А. Сорокин писал о «возрастающей неспособности к гармоничному соединению личностей и их образа жизни», утверждая, что «неумение приспособиться друг к другу – это скорее результат выросшего себялюбия, чем других причин» [4, с. 23]. С тем, что современные мужчины и женщины готовы прощать недостатки и ценить достоинства друг друга меньше, чем прежние поколения, пожалуй, можно согласиться, однако их возросшее себялюбие является не причиной, а следствием социальных перемен в отношениях между полами. В развитом индустриальном и, тем более, постиндустриальном обществе происходит серьезная трансформация социальных ролей мужчин и женщин, которые были закреплены за ними в течение предшествующих тысячелетий. Массовое участие женщин в производстве и развитая индустрия услуг снижают значение экономического фактора, который прежде играл роль одного из главных мотиваторов при вступлении в брак и критериев при выборе брачного партнера. Потребность в профессиональном росте и в социальном самоутверждении, присущая

членам «общества равных возможностей», побуждает не только мужчин, но и женщин уделять больше внимания своей карьере и престижу – нередко в ущерб заботе о домашнем уюте и воспитании детей. В результате в развитых странах мира в последние десятилетия утверждается семья эгалитарного типа, где каждый из супругов демонстративно не желает состоять «службой» другого, но подсознательно не против того, чтобы выступать «господином».

Другой важной тенденцией, которая влияет на отношения полов в настоящем и только усилит свое действие в будущем, является потребность в регуляции численности населения – как в отдельных обществах, так и во всем человечестве в целом. Вопреки взгляду, что демографическая проблема в развитых странах порождена кризисом семьи, в частности, нежеланием супругов заводить и воспитывать более одного-двух детей, я полагаю, что падение деторождаемости является, прежде всего, следствием социально-экономических процессов. К нему приводит индустриализация с присущим ей процессом урбанизации, когда городские жители постепенно отказываются от практики обзаведения большим потомством, которая была характерна для крестьянских семей. В постиндустриальном обществе уже появляется потребность не в наличии «резервной армии труда», а в избавлении от нее. При решении вопроса о том, как много они могут иметь детей, люди всегда чутко реагировали не столько на благие пожелания государства и церкви, сколько на реальные экономические и социальные условия. Попытки же вмешательства государства в регуляцию численности населения часто приводят к непредвиденным последствиям. Так, политика «одна семья – один ребенок», проводившаяся последние десятилетия в Китае, обернулась массовым нежеланием молодого поколения содержать старых родителей, что нельзя было представить в традиционном китайском обществе, где заботу о родителях разделяли их многие дети. А ведь сегодня демографы говорят о близящемся перенаселении Земли! Что произойдет, когда половая любовь будет еще более отделена от своей биологической функции – деторождения? Не замкнется ли она тогда на себе, видя свою цель в достижении высших степеней как можно больших видов наслаждений?!

Такое развитие событий вполне возможно, если принять во внимание, что сексуальная революция не ушла в прошлое. Она продолжается в постиндустриальных странах, воздействующих на культуру других стран посредством фильмов, журналов, одежды, рекламы, в которых сексуально-эротический компонент играет важную роль. Последним завоеванием этой революции на Западе стала легализация однополых браков, которые на

сегодняшний день официально регистрируются в 20 странах мира – причем, не только развитых, но и развивающихся, – а еще ряд стран регистрирует их на региональном уровне или допускает разные формы однополых союзов. Несмотря на попытки адептов сексуальных свобод представить однополые браки такими же естественными, как и гетеросексуальные браки, их все же принято обозначать термином «гомогамия», а не «моногамия». Толерантное отношение к однополым союзам, в котором либералы XXI в. видят такой же критерий прогресса общества, как либералы XIX в. – в требовании заключения браков между полами только на основе любви, способствует дестигматизации других добровольных сексуальных девиаций и перверсий – садомазохизма (БДСМ), эфебофилии, зоофилии. Проблема в том, существует ли абсолютная грань, отличающая допустимые индивидуальные проявления потребности любить от сексуальных патологий, опасных для человека и общества. Почему те, кто противопоставляет свободный в эротическом плане античный мир средневековой Европе, скованной христианской аскезой, «забывают», что в древних Греции и Риме любовь мужчин к юношам и юношей к подросткам была допустимым явлением, в отличие от браков между мужчинами, на которые могли решиться только такие одиозные личности, как Нерон? Как относиться к тому, что в странах, где люди особо нетерпимы к гомосексуализму, официально порицается, но молчаливо допускается зоофилия как замена добрачного секса для мужчин? Без ясного и честного ответа на эти и другие «неудобные» вопросы прогноз Ф. Энгельса о новом поколении людей: «...Они отбросят ко всем чертям то, что согласно нынешним представлениям им полагается делать; они будут знать сами, как им поступать, и сами выработают соответственно этому свое общественное мнение о поступках каждого в отдельности, – и точка» [13, с. 85], может исполниться таким образом, что самому его автору даже не снилось!

Сексуальная революция на Западе сопровождалась психоделической революцией, связанной отчасти с увлечением восточной медитацией, но в гораздо большей степени с употреблением наркотиков. Погружение в транс, в состояние «измененного сознания» помогало многим молодым людям 60-х – 70-х гг. прошлого века «отречься от старого мира», преодолеть зависимость от его социальных и сексуальных запретов. Современным молодым людям нет нужды с этой целью прибегать к наркотикам, поскольку к их услугам всегда виртуальная реальность. Уже в настоящее время многие мужчины и женщины, недовольные отношениями в реальной жизни, стремятся получить эмоциональное и физическое удовлетворение, заводя виртуальные романы и занимаясь гиперсексом на просторах Интернета. Эта тенденция усилится в

будущем, когда компьютерные технологии и спецэффекты позволят человеку испытать в виртуальной любовной сцене достоверность получаемых ощущений, эффект присутствия, возможность самому определять ход событий и неограниченность в удовлетворении своих желаний. «Принимая во внимание рост супружеских измен, связанных с массовым распространением Интернета в 1990-е и 2000-е годы, появление сегодня-завтра технологий, создающих неотличимую от реального мира виртуальную реальность, способно в тысячи раз увеличить эти показатели. По мере того, как общество приближается к кульминации технологического прогресса, появляются более совершенные виртуальные пространства, в которых все труднее противостоять гиперсексу и гиперроманам» [14]. В результате мужчины и женщины из плоти и крови могут проиграть в борьбе за внимание и любовь противоположного пола виртуальным образам или биороботам.

Такой мир, по сути, представлен в рассказе итальянского писателя-фантаста Лино Альдани «Онирофильм». В нем показано общество конца XXI века, в котором люди не желают ничего, кроме просмотра онирофильмов – «сновидений», дающих им ощущение полной включенности в кинофильм, который они проживают как главный герой или героиня. Ни материальные блага, ни идеальные ценности не могут отвлечь их от иллюзорной жизни, которую в изобилии поставляют создатели онирофильмов, действующие в интересах правящего класса. Им безуспешно пытаются противостоять члены Лиги борьбы со сновидениями, призывающие человечество вернуться к натуральным отношениям между полами, хотя лидеры Лиги сами охотно смотрят онирофильмы. Когда же сомнения охватывают кинозвезду Софи Барлоу – царицу грез миллионов мужчин, руководитель киностудии дарит ей снятый специально для нее онирофильм, который убеждает красавицу-актрису в том, что ни один мужчина не предпочтет реальную женщину героине фильма, и что «нет ничего лучше сновидений»... [15, с. 41].

И все-таки я надеюсь, что человечество избежит такого будущего! В основе этой надежды лежит вера не столько в воздействие на него государственных программ и религиозных заповедей или научных открытий и моральных призывов, сколько в действенную силу самой любви. Ибо любовь столько раз спасала человека от впадения в животное состояние и вдохновляла его на великие свершения, что было бы изменой человеческому естеству отказаться от нее ради симулякров. Не зря же сказано в одной древней и мудрой книге: «Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (I-е коринф. 13: 8).

Литература:

1. Райх В. Сексуальная революция. – СПб.-М.: Унив. кн: АСТ, 1997. – 350 с.
2. Миллер Г. Половая жизнь человечества: в 3 ч. – СПб.: EOS, 1909. – 382 с.
3. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения // Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. Исторический смысл эстетики Возрождения. – М.: Мысль, 1998. – 750 с.
4. Сорокин П.А. Американская сексуальная революция. – М.: Проспект, 2006. – 152 с.
5. Воспоминания о В. И. Ленине: в 5 тт. – Т. 2. М. Политиздат, 1969.
6. Энгельс Ф. Принципы коммунизма // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.: в 50 т. – 2-е изд. – Т. 4. – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 322-339.
7. Коллонтай А.М. Любовь и новая мораль // Философия любви. Ч. 2. – М.: Политиздат, 1990. – С. 323-334.
8. Залкинд А.Б. Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата // Философия любви. Ч. 2. – М.: Политиздат, 1990. – С. 334-355.
9. Троцкий Л.Б. Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет? // URL: <http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/Trotsky-BR/Trotsky-BR-7.html> [Дата обращения - 10.05.2017].
10. Оруэлл Дж. 1984 // Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. – М.: Прогресс. 1989. – С. 22-208.
11. Херцог Д. Сексуальная революция и ее издержки // URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2617> [Дата обращения - 11.05.2017].
12. Богат Е.М. Чувства и вещи. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
13. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.: в 50 т. – 2-е изд. – Т. 21. – М.: Госполитиздат, 1961. – С. 23-178.
14. Секс в XXI веке: секс будущего // URL: <http://www.liveinternet.ru/users/4231626/post238403885> [Дата обращения - 15.05.2017].
15. Альдани Л.. Онирофильм // Библиотека современной фантастики: Сб. – М.: Молодая гвардия, 1966. – Т. 5. – С. 15-41.